

С. КИРДИНА

*доктор социологических наук,
кандидат экономических наук,
завсектором ИЭРАН*

О СВОЕВРЕМЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ¹

(размышления о книге: Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. — М: ИНФРА-М, 2009).

«Чтобы быть сильным, надо быть современным», сказал лидер одной большой страны². Это выражение можно отнести и к сфере экономической теории – знание современных концепций усиливает потенциал экономистов. Поэтому так актуален выход нового учебного пособия А.Г. Худокормова для магистров экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, и не только для них. Задача пособия, как пишет автор - показать новейшие течения западной экономической науки, «дать знания о функционировании рыночных систем, освоить ранее известные лишь узкому кругу критиков «буржуазной» экономической мысли теории и концепции» (с.4)³, представив их широкой аудитории будущих российских экономистов.

Пособие имеет четкую мотивированную структуру и является не только антологией экономической мысли, но также интересным исследованием. Во-первых, дается оценка основных тенденций в новейшей экономической теории Запада на основе лекций нобелевских лауреатов по экономике (глава 1). Несмотря на оговорки о запаздывании их вручения - порой премии дают за результаты 40-летней (в случае с Э. Фелпсом) давности, - нобелевские премии маркируют, по мнению автора, доминирующие тренды развития западной экономической мысли.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00052.

² Из интервью Д.А.Медведева телевизионному каналу НТВ, 26 июля 2009 г.

³ Отмечаются страницы анализируемой работы: Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. — М: ИНФРА—М, 2009, если не указано иное.

Во-вторых, охарактеризован предшествующий этап развития экономической теории (глава 2). Таким этапом, как фиксируют большинство историков мировой экономической мысли, является кризис кейнсианства в 1970-х гг.

В-третьих - и этому посвящена основная часть книги (главы 3—7, 9—10), в хронологическом порядке излагаются наиболее значительные теории нобелевских лауреатов, составившие главные направления и школы в современной экономической теории. К ним отнесены американский монетаризм М. Фридмена, экономическая теория предложения (М.Фелдстайн и А. Лаффер), школа «рациональных ожиданий» (Н. Уоллес, Р. Лукас, Т. Сарджент, Э. Прескотт и Ф. Кюдланд), теория общественного выбора Дж. Бьюкенена, новая экономическая история Р. Фогеля и Д. Норта, теория общественного благосостояния А. Сена, «информационная экономика» Дж. Стиглица.

Особое место занимает глава 8, где излагаются основы неошумпетерианской эволюционной теории Р. Нельсона и С. Уинтера, не являющихся нобелевскими лауреатами. Разбор их идей в учебном пособии продиктован, на наш взгляд, высокой оценкой перспективности данного направления как автором книги, так и другими авторитетными специалистами, например, У. Баумолем.

Наконец, четвертая, заключительная часть книги (глава 11) посвящена оценке итогов развития экономической теории к началу XXI века, дискуссии о том, есть ли кризис в экономической теории и чего следует ожидать в будущем.

Мы не ставим цели изложить содержание этой многоплановой работы. Для нас интереснее вступить с автором в диалог, и его содержание мы структурируем по-иному, нежели принятая в учебном пособии разбивка по главам.

Как отмечает сам автор на с. 269, «любая экономическая теория, претендующая на системность, имеет в своей структуре по меньшей мере три компонента: методологические основы, собственно экономическую концепцию и практические рекомендации (выход на экономическую политику)». Именно в этом

разрезе мы с помощью автора проанализируем новейшие экономические теории Запада.

Методологические основы современной экономической теории

Четыре методологических сюжета представляются нам наиболее важными. Во-первых, связь методологии экономической науки с «эпистемой эпохи» (М.Фуко)⁴, во-вторых, направление развития современного экономического метода (в широком смысле), в-третьих, преемственность «методологического ядра» новейших экономических теорий Запада и, наконец, в-четвертых, критическое переосмысление формирующих это ядро основных постулатов.

Очевидно, что в условиях постоянно возрастающего межнаучного дискурса усиливается *взаимовлияние методологических и теоретических достижений разных отраслей знания*. Еще на этапе становления экономической теории важную роль в ее развитии играл обмен идеями с представителями естественных наук. Первые идеи экономического воспроизводства, на которых базировалась классическая политэкономия XVIII-XIX вв., были высказаны бывшим весьма квалифицированным медиком, королевским врачом Франсуа Кенэ (1694-1774). Он рассматривал общество как единый организм, в котором, подобно крови в человеческом теле, движутся потоки общественного капитала. Другой пример: базовые идеи современного мейнстрима - идеи общего рыночного равновесия – лежат в области теории гравитации, которая рассматривает точку равновесия как отсутствие движения (нулевая свободная энергия). Аналогичным образом экономисты интерпретируют общее рыночное равновесие, при котором любое движение экономических агентов будет приводить к иным менее удовлетворительным с экономической точки зрения состояниям (с. 48-49). С развитием социальных наук в конце XIX века, прежде всего социологии и

---

⁴ Эпистема эпохи, по выражению Мишеля Фуко, представляет общую, характерную для конкретного исторического периода систему мышления, научного теоретизирования (Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М: Праксис, 2002).

психологии, экономическая теория все чаще использует представления, основанные на психологическом и социологическом исследовании (с. 44), а экономика рассматривается не столько как система потока продуктов, но как совокупность взаимодействующих индивидов, экономическое поведение которых становится главным объектом анализа.

Отмеченное взаимовлияние в значительной мере определяет современное *развитие методов в экономической теории* (второй из разбираемых нами сюжетов). Здесь, на наш взгляд, выделяются две основные тенденции. Одна из них состоит в возрастании роли неэкономических идей в экономической теории: биологических (например, изменения «рутин» как биологических мутаций в работах Р. Нельсона и С. Уинтера), психологических («экономическая психология» Д. Канемана и В. Смита), математических (от «теории игр» до формального аппарата «функционалов общественного благосостояния» и проч.). <Математика оказывает наиболее существенно влияние на развитие экономической теории, что отражается в росте числа нобелевских премий по экономике, присуждаемых профессиональным математикам (начиная с нобелевской премии Джона Нэша в с 1984 г.) и специалистам в области эконометрики. В XXI веке их доля составила почти половину нобелевских лауреатов по экономике (с. 50).>

Другая тенденция развития методологии заключается в экспансии методов экономического анализа на смежные области - речь идет об известном явлении «экономического империализма», связываемого прежде всего с именами Г. Беккера и Дж. Бьюкенена. За счет этого расширяется поле экономических категорий, описывающих взаимодействия в сфере политики, образования, охраны здоровья, расовой дискриминации и др. процессов как структуры сложных обменов между индивидами, стремящимися максимизировать свою полезность при достижении целей (с. 22).

Хотя не все согласны с обоснованностью чисто экономических подходов к анализу общественных процессов, мы относимся к тем, кто признает целесообразность такого развития экономической теории. На наш взгляд, адекватность методов, предложенных для анализа рыночных экономик, к исследованию других сегментов «рыночных обществ», обуславливается так наз. *институциональным изоморфизмом*. Речь идет о целостности и морфологической общности образующих социум базовых экономических, политических и идеологических институтов, об устойчивости доминантных институциональных матриц в обществах⁵. Институциональный изоморфизм отражает внутреннее единство и единообразие механизмов социального развития основных подсистем того или иного государственного образования. Эта общность служит обоснованием «переноса» объяснительных и методологических моделей, успешно зарекомендовавших себя при изучении одной общественной подсистемы - в данном случае экономической, - на анализ других сфер. Это блестяще продемонстрировал К. Виксель и вслед за ним Дж. Бьюкенен, вскрыв в западной демократии механизмы политических обменов, аналогичных по сути обменам экономическим (с. 27).

Третий сюжет связан с *сохранением «методологического ядра»* современной экономической теории Запада. Несмотря на разнообразие подходов, диверсификацию экономических исследований и обогащение методологии за счет достижений других наук, мы согласны с утверждениями многих специалистов о том, что в экономической теории по сути действуют *Основные принципы*, обозначенные в конце XIX века.

На наш взгляд, современные теории Запада демонстрируют приверженность прежде всего двум постулатам, составляющим «методологическое ядро» разнообразных экономических концепций. Эти

---

⁵ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М: ТЭС, 2000; Изд. 2-е, испр. и дополн.: Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

постулаты сохраняют статус фундаментальных положений и базовых предпосылок, несмотря на постоянное уточнение и адаптацию проявлений в реальной экономической практике.

Первым постулатом, редко критикуемым современными экономистами, является признание принципа убывающей отдачи (или возрастающих предельных издержек) в качестве основного, преобладающего экономического закона. Несмотря на то, что экономическая теория время от времени «вспоминает» о том, что в экономике действует и принцип возрастающей отдачи, но потом снова о нем «забывает»⁶. «Ряд возрастающих (положительно наклоненных) кривых предложения для всех возможных фирм и отраслей, которые охватывают производственный сектор экономики»⁷, пишет А. Эйхнер, - основное положение неоклассического ядра *экономикс* и мало изменилось со времен Веблена.

До сих пор экономические учебники свидетельствуют о том, что неоклассическая экономическая теория имеет дело преимущественно со случаем возрастающих предельных издержек. В одном из популярных учебников С.Фишера, Р. Дорнбуша и Р.Шмалензи, «содержащем полный свод знаний по современной рыночной экономике» и являющимся сегодня базовым для многих российских вузов, отмечается: «Тенденция предельного продукта труда или любого другого вида затрат к снижению, если он имеется в достаточном количестве, является столь общей, что на нее часто ссылаются как на закон»⁸. Именно поэтому *экономикс* имеет дело главным образом с кривыми, характеризующими условия формирования издержек для фирм и отраслей с

---

⁶ «Закон возрастающей отдачи», сформулированный Маршаллом, согласно которому удельные издержки снижаются по мере роста выпуска, был основательно забыт экономистами. Нужно отметить, что Кейнс в *Общей теории* упускал из вида закон возрастающей отдачи от затрат труда и капитала (и, соответственно, снижающихся издержек), сформулированный Маршаллом. Хансен включил этот закон в кейнсианский анализ в своей работе 1949 года (*Хансен Э.* Денежная теория и финансовая политика. М: Дело, 2006. Глава 7. Функция издержек, занятость и цены.) Харрод вновь формулирует этот закон в книге 1973 года...». *Маневич В.Е., Николаев Л.К., Овсиенко В.В.* Вводная статья к русскому изданию: Харрод Р. Теория экономической динамики. Пер. с англ. В.Е. Маневича / Под ред. Гребенникова В.Г. – М: ЦЭМИ РАН, 2008, с. 20.

⁷ *Эйхнер А.* Почему *экономикс* еще не наука? Гл. 14 в: Теория капитала и экономического роста: Учеб. Пособие / Под ред. С.С. Дзарасова. М: Изд-во МГУ, 2004. с. 345.

⁸ *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. Пер. с англ. Со 2-го изд. М: Дело, 1997, с. 140.

понижающейся доходностью⁹. При этом постоянно смотрящие вверх кривые предложения характерны не только для студенческих учебников по экономике, но и для работ нобелевских лауреатов.

Другим постулатом экономической теории, принятым как аксиома, как отражение естественного порядка вещей, является принцип методологического индивидуализма (в широком смысле). Этот принцип, по Стивену Льюксу (Lukes), «предполагает *объяснение* общественных явлений в терминах индивидуального поведения»¹⁰. При следовании этому принципу экономический субъект (таковым может полагаться как индивид, так фирма или государство как некая «коммерческая организация») как центральный инициатор экономических процессов служит главным объектом теоретического анализа. При этом разные школы вменяют экономическому субъекту (*homo economicus*) те или иные особенности, которые объясняют то или иное экономическое поведение. Дж. Кейнс считал индивида склонным к сбережениям и подверженным «денежным иллюзиям», М. Фридмен и Э. Фелпс находили у него «адаптивные ожидания», в то время как Р. Лукас, Т. Сарджент и Н. Уоллес полагали, что для индивида характерны «рациональные (макрорациональные) ожидания» (с. 182). В основу «экспериментальной экономики» нобелевский лауреат Д. Канеман также ставит индивида (с. 36). При этом, чем бы ни руководствовался экономический агент - стремлением к максимизации полезности, как это принято в классической модели, желанием сохранить статус-кво, избегать риска и неопределенности¹¹, привычками, традициями и нравственными устоями по В. Смиту или стремлением к достижению «контрольных цифр» роста продаж, темпов роста, доли рынка по Г. Саймону (с. 34) - именно индивидуальное поведение представляется главным для понимания сути экономических процессов, причем не только на микро-, но и на

---

⁹ Ibid, с. 169.

¹⁰ Цит. по: Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М: Дело, 2003, с. 98.

¹¹ Ольсевич Ю.Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения// Montenegrin Journal of Economics. December. 2007.

макроуровне. Действительно, еще в 1970-х гг., - когда Э. Фелпс призвал «ввести индивидов в экономические макромоделю» (с. 46), а Дж. Акерлоф вслед за ним отмечал, что «макроэкономика должна быть основана на подобных поведенческих соображениях» (с. 44), - в макротеории произошел известный «поведенческий сдвиг», то есть была создана так называемая «поведенческая макроэкономика».

Отмеченная устойчивость мировоззренческого ядра экономической теории объясняет возможности постоянного синтеза предпринимаемых теоретических инноваций с мейнстримом. Например, в свое время идеи Дж. М. Кейнса, показавшего, что рыночная экономика страдает внутренней неустойчивостью в силу ограниченности совокупного спроса, вызывающего спад деловой активности и рост безработицы (что, соответственно, требует роста государственных расходов и инвестиций), представлявшиеся сначала как «кейнсианская революция», впоследствии стали восприниматься как уточнение условий рыночного равновесия. Неоклассики Дж. Хикс и П.А. Самуэльсон в результате операции, получившей название «неоклассический синтез», органично использовали идеи Кейнса для улучшения неоклассической теории¹². Это представляется вполне естественным, поскольку Кейнс также моделировал экономику отраслей убывающей отдачи, в которой действуют индивиды, максимизирующие свою полезность.

То же справедливо в отношении современной поведенческой теории. «При своем появлении на свет она рассматривалась как альтернатива традиционной неоклассической микротеории и всему западному мейнстриму в целом. Однако в настоящий момент нарождается тенденция включения behavioral economics в состав «основного ядра» экономической теории Запада» (с. 38).

Аналогичная ситуация имеет место в отношении неоинституциональной теории: «и по своей методологии, и по теоретическому содержанию, и по общему

---

¹² Теория капитала и экономического роста: Учеб. Пособие / Под ред. С.С. Дзарасова. М: Изд-во МГУ, 2004, с. 37.

социальному смыслу выводов неoinституционализм продолжает - в преобразованном, модифицированном виде - линию либеральной экономической теории, уходя корнями в традиции неоклассики» (с. 194)¹³. Сохраняет свою актуальность замечание Дж. Коммонса о том, что по сути анализируется «экономика максимизации чистого дохода. В последние годы эта теория объединила определенные институциональные факторы ... под термином «несовершенная конкуренция», «монополистическая конкуренция», «конкурентная монополия». ... Однако даже если их усложнить эволюционными моментами, теория эта по-прежнему останется экономикой максимизации чистого дохода ...»¹⁴.

Четвертый методологический сюжет посвятим *критическому переосмыслению отмеченных методологических постулатов*. Полагаем это тем более важным, что в рецензируемой работе автор не ставил перед собой задачи специально исследовать адекватность методологического ядра экономической теории для современной практики. Соответственно, такого анализа в его работе не представлено.

На наш взгляд, без ревизии базовой методологии трудно объяснить причины кризиса экономической теории, отмеченного в ряде работ исследователей науки. Так, А.Г. Худокормов на с. 378 цитирует М. Блауга, который пишет о том, что «экономическая теория больна»¹⁵. Основные причины этой «болезни» М. Блауг усматривает в неблагополучии в методологических установках обоих основных разделов современной *экономикс* - макро и микроуровня. Следствием этого, пишет он, является недостаточный «объясняющий аспект» и нежизнеспособные практические рекомендации экономической теории¹⁶.

---

¹³ История экономических учений (современный этап). Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М: ИНФРА—М, 2007, с. 653-687.

¹⁴ *Коммонс Дж.* Институциональная экономика. Пер. с англ. // Экономический вестник Ростовского университета. Том 5. 2007 (1936). № 4, с. 60.

¹⁵ *Блауг М.* Тревожные процессы в современной экономической теории. Чем на самом деле занимаются экономисты // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. М: ИМЭМО РАН, 2002, с. 63.

¹⁶ *Там же.*

Сначала обратим внимание на первый из рассмотренных выше постулатов. Можно видеть, что феномен возрастающей отдачи (падение долгосрочных средних издержек по мере увеличения выпуска), традиционно рассматривавшийся как локальный эффект, является таковым все в меньшей мере. «По мере прогресса общества, сфера убывающей доходности имеет тенденцию сокращаться относительно экономики в целом»¹⁷, - писал Р. Харрод в 1973 г. Действительно, отраслевая структура современных рыночных экономик все более включает в себя отрасли и производства, характеризующиеся возрастающей отдачей. Во-первых, «эффект монополии и олигополии подрывает эффект убывающей отдачи, поскольку отдача от большего капитала растет по принципу возрастающей отдачи» (с. 324). Во-вторых, отрасли массовых коммуникаций, развитие информационных технологий и самого информационного сектора также подвержены этому эффекту. Возрастающая отдача все в большей мере характеризует финансовый сектор с его новыми финансовыми и банковскими «квази-денежными» продуктами. Поэтому трудно не согласиться с Дж. Стиглицем, отмечающим, что возрастающая отдача подрывает основы микроэкономической теории конкурентного равновесия. И хотя его собственные теоретические исследования современных рынков, как он отмечал в нобелевской лекции, «не опровергли закон убывающей отдачи, но показали, что область его справедливости гораздо более ограничена, чем это считалось ранее»¹⁸.

Кроме того, «справедливость закона убывающей отдачи» сомнительна для большого класса экономик, не являющихся преимущественно рыночными¹⁹. В свое время В.Н. Богачев в своих работах²⁰ теоретически доказал и объяснил

---

¹⁷ Харрод Р. Теория экономической динамики. Пер. с англ. В.Е. Маневича / Под ред. Гребенникова В.Г. – М: ЦЭМИ РАН, 2008, с. 56.

¹⁸ *Мировая экономическая мысль. Сквозь приму веков.* В 5 т. / Т.В. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. Кн. 2. М: Мысль, 2005, с. 552-553.

¹⁹ Кирдина С.Г. Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. № 2(37), 2007.

²⁰ Богачев В.Н. Прибыль?! О рыночной экономике и эффективности капитала. М.: Наука, 1993; Богачев В.Н. Призраки и реалии рынка. М.: Институт экономики РАН, 1993. Пьеро Сраффа ранее также доказывал, что

невозможность рыночного регулирования экономики отраслей с возрастающей отдачей. В наших исследованиях²¹ на основе динамического моделирования также показано, что если экономика имеет дело главным образом с кривыми долгосрочных издержек, характеризующими ситуацию возрастающей отдачи, самоорганизации экономики на основе рыночных обменов не происходит²².

Базовые постулаты экономической теории о законе убывающей отдачи и принципе методологического индивидуализма тесно взаимосвязаны логически и математически. Известные экономические модели показывают, что только в условиях роста предельных издержек производства мотивация производителя (и потребителя) к максимизации полезности позволяют наилучшим образом и в интересах всего общества использовать имеющиеся ресурсы. Если же предельные издержки уменьшаются (возрастающая отдача), то «естественное стремление» производителя к прибыли «ввергает партнеров в гораздо большие расходы, так что все вместе больше теряют, чем выигрывают»²³.

Адекватность принципа методологического индивидуализма подвергается сомнению также потому, что отношения индивидов, как правило, не независимы. Так, М. Фридмен отмечает, что практически не встречается ситуация, когда обмены между двумя индивидами затрагивают только их самих. Как правило, сделка между двумя субъектами «обязательно затрагивает какую-нибудь третью сторону»²⁴. Поэтому формируется система определенных общих правил, в рамках которых «своекорыстная деятельность купца и ростовщика будет содействовать

невозможно достижение точки рыночного равновесия в условиях снижающихся издержек производства (см. *Sraffa P. Laws of Returns under Competitive Conditions // Economic Journal, December, 1926*).

²¹ Кирдина С.Г., Малков С.Ю. Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // "Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие". Отв. ред. Маевский В.И., Кирдина С.Г. М: Институт экономики РАН, 2007.

²² Такие хозяйственные системы, где рыночные механизмы не являются определяющими, остаются, как правило, за пределами анализа в экономических теориях Запада. В разное время такого типа экономики обозначались как «азиатский способ производства» (К. Маркс), «гидравлические общества» (К. Виттфогель), «редистрибутивные экономики» (К. Поланьи), «экономики дефицита» (Я. Корнай), «раздаточные экономики» (О. Бессонова), «экономики категории В, или культурно регулируемые системы» (С. Роузфилд), «Х-экономики» (С.Г. Кирдина).

²³ Богачев В.Н. Призраки и реалии рынка. М.: Институт экономики РАН, 1993, с. 45.

²⁴ Фридмен М. Свободный рынок и конец истории (интервью), Русский журнал, 2006, 14 февраля (Цит. по А.Г. Худокормов, с. 158).

продвижению общих интересов»²⁵. Уподобляя политиков участникам рынка, Дж. Бьюкенен отмечает, что политический рынок также не действует в интересах общества, поэтому надо создать общие правила (конституцию) для политиков, в рамках которой действия политических «торговцев» удастся подобным образом согласовать с интересами всех остальных членов общества. Правила деятельности субъектов, или институты, становятся, таким образом, самостоятельным объектом исследования, что актуализирует изменение исходных постулатов анализа и атакует принцип методологического индивидуализма²⁶.

Наконец, переосмысление методологических основ экономических теорий вызывается и сменой «эпистемы эпохи». Пришедшие из естественных наук идеи самоорганизации формируют новое теоретическое представление об экономике как системе, в отношении которой справедливы общие принципы действия любых сложных систем (от химических до биологических и космических), известные современной науке²⁷. Ряд зарубежных и российских исследователей полагает, что современному мировоззрению все более соответствует признание сложности и неравновесности мира, понимание несводимости микро- и макроуровней, нелинейности протекающих процессов, что вызывает появление принципиально новых теорий. Рассмотрение экономики как самоорганизующейся системы пока еще не представлено в достижениях нобелевских лауреатов и находится скорее «на периферии» современного экономического знания. Но если в учебном пособии идет речь о взаимосвязи развития экономической дисциплины с достижениями современной науки, возможно, имеет смысл охарактеризовать и перспективные направления в движении экономической теории?

---

²⁵ Бьюкенен Дж. Сочинения. Пер с англ. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». Т.1. М: Таурис Альфа, 1997, с. 58.

²⁶ Подробнее см. Кирдина С.Г. Теория и практика современного развития отрицают методологию индивидуализма/ Экономист, 2008а, № 8.

²⁷ Кирдина С.Г. Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование. М: Институт экономики РАН, 2008, с. 22-24.

Собственно экономические концепции

При разборе собственно экономических концепций выделим общие для них особенности, которые представляются нам наиболее важными для понимания роли и места западной экономической мысли в современном теоретизировании.

Во-первых, обратим внимание на *взаимосвязь развития экономической мысли и хозяйственной практики*. В работе А.Г. Худокормова описание наиболее интересных и популярных современных экономических теорий предваряется сопоставительным анализом динамики важнейших экономических показателей западных экономик и результатов проводимой в разное время экономической политики. Автор убедительно показывает связь между кризисами производства и кризисами в экономической теории, требовавшими пересмотра теоретических основ и формирования адекватных аналитических инструментов – теорий (таблица на с. 360-362).

Почему в 1950-60 гг. теории (нео)кейнсианской направленности считались подходящими? Тот период характеризовался достаточно благоприятной экономической конъюнктурой, при этом был дефицит эффективного спроса. В этих условиях кейнсианство, обосновывающее подкачку спроса правительственными мерами, допустимость «ползучей» инфляции на уровне 5-6% в год и умеренную безработицу до 3%, отвечало потребностям практики (с. 55). Когда конъюнктура изменилась, прежняя теория становится объектом атаки, в том числе и потому, что не смогла объяснить новых явлений, например, стагфляции, причин неадекватности кривой Филлипса о гиперболической взаимозависимости между темпами изменений безработицы и номинальной заработной платы (ценовой инфляции в обобщении П. Самуэльсона и Р. Солоу) и т.д. К тому же изменился потребительский рынок, став емким и огромным. В этих условиях стала формироваться экономическая теория предложения (supply-side economics) для стимулирования лучшего продвижения на рынок факторов производства (с. 365).

В 1970-80 гг. чикагские экономисты во главе с М. Фридменом восстанавливают в правах классическую экономическую теорию. Неоклассики-либералы теоретически обосновывают необходимость дерегулирования рынка (см. теорию адаптивных ожиданий, реального делового цикла, информационной активности рынка и др.). А.Г. Худокормов связывает победу неолибералов с изменением «внутреннего производственного строя ведущих стран мира» (с. 75). Его характеризует развитие научно-технического прогресса, рост третичного сектора и коммуникационных технологий, а также переход «Рубикона» управляемости современными народнохозяйственными комплексами, распространение мелкого и среднего производства. Все это объективно «способствует усилению конкурентного рыночного начала» (там же) и ограничивает роль государства в экономической деятельности. Успехи экономики тех лет обусловили широкое признание экономической теории, и она начинает смело вторгаться в смежные сферы. В 1980-90 гг. экономический империализм, включая неоинституционализм, становится ведущей программой в теоретической экономике (с. 48).

Нынешний финансовый и экономический кризис 2008-2009 гг. позволяет предположить новый виток развития экономической теории, но уже в противоположном направлении. Нас ждет очередной «поворот от либеральных концепций» (по выражению Дж. Стиглица), и нынешним экономистам еще предстоит увидеть, какие теории придут им на смену.

Во-вторых, отметим расширение поля и изменение структуры экономических теорий. А. Г. Худокормов отмечает, что за последние годы произошел переход от традиционного деления теории на макро- и микроуровни к более сложному, включающему уже не два, а четыре уровня — *микромикроэкономика, микроэкономика, макроэкономика, макромакроэкономика* (с. 20).

Так, новым объектом изучения, начиная с работ Р. Коуза, становится микроэкономика. В своей работе «Природа фирмы» последний исследует микроэкономику, заглядывая внутрь фирмы - ведущего субъекта рыночной экономики - и анализируя складывающиеся в них отношения. Г. Беккер с этих же позиций изучает домохозяйство, а Дж. Бьюкенен - аппарат государственной власти, расширяя исследовательское поле микроэкономики..

Микро- и макроэкономика сохраняют свой предмет, но к ним, уже с другой стороны, примыкает макроэкономика (или мегаэкономика), «разработчики которой стремятся обогатить подход с позиции целостности анализом общественных институтов» (с. 28). Такие экономисты, как Р. Фогель и Д. Норт исследуют «институты в их временной, исторической определенности и изменчивости» (там же). Не просто экономика, но общество в целом, с его политической структурой, господствующими идеологиями и ценностями, собственной историей (path dependence) составляет предмет исследования в макроэкономике.

Третьей характеристикой новейших экономических теорий Запада является их *постоянная ревизия*, вызываемая периодическим выявлением эмпирических данных, которые не соответствуют действующим теориям. Это каждый раз стимулирует поиски новых, более адекватных и логически непротиворечивых концепций. Автор учебного пособия специально обращает на это внимание. Тем самым становится очевидным механизм развития экономических теорий: постоянная верификация эмпирическими данными, выявление противоречий, разработка новых теорий, где эти противоречия логически разрешаются,

Так, М. Фридмен начал свою критику Дж. Кейнса, показав на статистических данных С. Кузнецца за период с 1869 по 1929 гг., что не подтверждается утверждение Кейнса об уменьшении склонности к потреблению при росте доходов. Основываясь на этом, а также на новациях в теории потребительской функции, М. Фридмен выдвинул свою монетарную на первый

взгляд альтернативную концепцию об устойчивости рыночной системы при условии «правильного» экзогенного предложения денег (с. 95—96). Тем самым задачи государства ограничиваются выпуском необходимого количества денег и строгим финансовым контролем, без перераспределительных функций.

В свою очередь, предпринятое М. Фридменом (совместно с А. Шварц) исчисление скорости денег и вывод о том, что в период 1867—1960 гг. она «плавно снижалась в среднем на 1%», не было подтверждено другими исследователями (с. 101). Это подрывало основы монетарной концепции М. Фридмена²⁸, поскольку теряется база для определения объема предложения денег, необходимых для поддержания устойчивого экономического роста. Другим основанием для критики неоконсервативных монетарных концепций стало эмпирическое опровержение Дж. Стиглицем «эффекта Лаффера», согласно которому сокращение налогов на богатых приведет к росту доходов бюджета (с. 342). Таким образом, монетарные концепции, вслед за (нео)кейнсианскими, также перестают быть удовлетворительными для объяснения необходимой роли государства, поскольку не подтверждаются эмпирическими данными.

Статистический анализ конечной зависимости между социальными расходами и занятостью (что выражает роль государства в обеспечении важнейших показателей экономического роста) также принес противоречивые результаты. Не подтвердилась ни позиция монетаристов (речь идет о модели одного из авторов экономической теории предложения М. Фелдстайна) о необходимости сокращать социальные расходы, ни позиция его кейнсианских оппонентов (с. 165). Таким образом, на повестке дня стоит поиск новых концепций, которые могли бы убедительно обосновать необходимость уровня государственного участия в современных экономиках. Как пишет в этой связи

---

²⁸ М. Фридмен отмечал, что существует следующая связь между показателями ВВП, объемом денежной массы и скоростью обращения денег — последняя определяется делением суммы ВВП на средний объем денежной массы, при этом «деньгам явственно принадлежит роль старшего партнера» (*Friedman M. and Shwarz A. A Monetary History of the United States, 1867—1960. National Bureau of Economic Research, Studies in Business Cycle. N 12. Princeton University Press, 1963, p.625*)

А.Г. Худокормов, «экономической теории следует отказаться от мертвых догм типа «рынок лучше государства» или «государство лучше рынка» и заняться поиском оптимальной ниши для каждого из институтов в рамках смешанной экономики в соответствии с историческими и социальными особенностями национальных экономических систем» (с. 253—254). Нам еще предстоит увидеть, какой будет требуемая теория смешанной экономики.

Еще одним вопросом, не нашедшим удовлетворительного объяснения у западных экономических теоретиков, является вопрос о причинах цикличности. Как пишет М. Блауг, даже новые теоретики реального бизнес-цикла (Э. Прескотт и Ф. Кюдланд) «до сих пор не представили убедительного объяснения, почему экономика поворачивает вниз не случайно, а периодически»²⁹. В этом направлении также продолжаются поиски.

Четвертой особенностью современной экономической теории Запада является ее *идеологическое значение*. И хотя сегодня немодно говорить о «классовом характере» тех или иных теорий, никто, тем не менее, не отрицает идеологической обусловленности большинства продуктов общественной мысли, поскольку они являются результатом творчества конкретных личностей, которым присущи определенные ценностные и идеологические предпочтения. О чем говорит, например, откровенная и яркая работа М. Фридмена «Методология позитивной экономической науки» (1953), долгие годы остававшаяся в центре методологических дискуссий западных экономистов? Автор начинал с утверждения о том, что «позитивная экономическая наука независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений»³⁰ и может быть «объективной подобно наукам физическим». Но далее Фридмен указывает, что «теория не может быть проверена прямым противопоставлением ее «предпосылок» с «реальностью». Да и не существует никакого осмысленного

---

²⁹ Блауг, цит. соч., с. 378.

³⁰ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. т. 2, Вып. 4, с. 20.

способа сделать это»³¹. В результате в его работе обосновывается «философская доктрина, рассматривающая научные концепции не столько как отражение действительности, сколько как средство достижения конкретных целей»³². Международный и национальный опыт применения экономических теорий часто это подтверждают. И работы крупнейших западных экономистов-теоретиков, и анализ, проведенный автором учебного пособия, ясно показывают, что экономическая теория «пристрастна», она тесно связана с идеологией и практикой реформ. Об этом небесполезно знать студентам, изучающим экономические науки.

Наиболее отчетливо данная позиция выражена в работах нобелевского лауреата 2001 г. Дж. Стиглица. Он неоднократно показывает, как политики США, выражающие интересы крупного бизнеса, «выбирают» те теории, которые в наибольшей мере отвечают их групповым или национальным интересам. Так, по поводу рекомендаций теоретиков *supply-side economics* (экономическая теория предложения) о снижении высших ставок налога на богатых он иронично замечал, что в соответствии с такого рода рекомендациями «лучшим способом помощи бедным является наделение деньгами богатых», и называл такие предложения «экономическим шаманством» (с. 174—175) в интересах богатейших слоев населения. Действительно, расчеты, проведенные позже журналом «Экономист» осенью 1991 г., показали следующее: с 1973 по 1989 гг. - большую часть этого периода действовала предложенная налоговая практика - из пяти групп населения две «снизу» (бедные) практически не увеличили свои доходы, в то время как для самой богатой группы они возросли более чем на треть (с. 174).

Примером идеологической роли экономической теории в обоснования целей уже не внутренней, а внешней политики являются, по Дж. Стиглицу, экономические рекомендации США для других стран. Они включают в себя

---

³¹ Там же, с. 49.

³² Отмахов П.А. Современные концепции метода экономической науки // История экономических учений (современный этап). Учебник. / Под общей ред. А.Г. Худокормова. М: ИНФРА-М, 2007, с. 336.

призывы следовать ультралиберальному курсу и условиям пресловутого Вашингтонского консенсуса. И то, и другое, отмечает ученый, практически не используется внутри страны в чистом виде и является «продуктом на экспорт». Их распространение решает задачу облегчения внешнеэкономической экспансии для американского бизнеса и создания для этого наиболее благоприятных условий в других государствах (с. 337).

Порой экономические теории служат определенным целям не только на национальном, но и на глобальном уровне. С этой точки зрения Дж. Стиглиц критикует «теоретически обоснованную» политику Международного валютного фонда (МВФ) и показывает, что фактически МВФ не столько задействован в реальной помощи реципиентам кредитной поддержки, сколько обслуживает интересы крупных финансовых центров развитого мира (с. 345).

Конечно, идеологическую ангажированность экономических концепций не стоит преувеличивать, поскольку не она, а само их содержание является для специалистов главным. Тем не менее, идеологический аспект важно учитывать, особенно при анализе перспектив и возможностей применения тех или иных теорий в практической деятельности. О чем же свидетельствует практика применения рассмотренных в пособии экономических концепций к реальным управленческим и политическим процессам?

Практические рекомендации (выход на экономическую политику)

«Научный реализм» (выражение М. Блауга) экономических гипотез и концепций на *глобальном уровне* выражается прежде всего в том, в какой мере они обобщают, объясняют и прогнозируют реальные процессы. Известно, что объяснить характер уже произошедших изменений («задним числом») удается гораздо чаще, чем предвидеть новые. Тем не менее, для современных теорий, несмотря на множество известных достижений, некоторые проблемы экономической динамики так и остались непроясненными. Как отмечает Ю. Я.

Ольсевич, комментируя статью У. Баумоля 2001 г. в журнале «Вопросы экономики», «экономическая наука не смогла ни предвидеть, ни правильно объяснить основной феномен второй половины XX века - беспрецедентно быстрый и почти непрерывный экономический рост группы промышленно развитых стран»³³. Другим необъясненным феноменом (хотя можно предположить, что он связан с предыдущим - С.К.), является углубляющийся разрыв между странами «золотого миллиарда» и остальным миром. Этот процесс скорее подтверждает теоретическую гипотезу К. Маркса о том, что в ходе развития рыночной экономики «богатые богатеют, а бедные беднеют», чем положения современных теоретиков-экономистов, труды которых представлены в учебном пособии. Третий вызов главным современным концепциям был брошен разразившимся финансовым и экономическим кризисом конца 2008 г., «взошедшим» из посеянных в предыдущие годы «семян развала» (Дж. Стиглиц). Кризис сделал до обидного явной несостоятельность экономической теории в предвидении динамики мирового социально-экономического развития. Поэтому вопрос о том, насколько эффективно работают на практике известные, отмеченные нобелевскими премиями экономические теории на глобальном уровне, остается открытым.

Другой сферой применения мировых достижений современных экономистов, работающих в основном в развитых странах, является *экономическая политика правительств этих государств*. С одной стороны, сама хозяйственная практика и отмеченный выше «почти непрерывный экономический рост группы промышленно развитых стран» являлись убедительным аргументом в пользу применимости новейших экономических теорий Запада. С другой стороны, как отмечается в пособии, да и в работах других авторов, оценка практического значения доминирующих экономических теорий затруднена (с.

---

³³ Ольсевич Ю. Я.. Неортодоксальный взгляд У. Баумоля на достижения экономической науки в XX веке и ее задачи // Вопросы экономики, 2002, № 12, с. 20.

145). Они нигде не применялись в чистом виде, поэтому почти невозможно отделить научные рекомендации от «научно необоснованных» практических мероприятий. Практика, как известно, не всегда следует теоретическим предложениям ученых. Так, экономика США уже не одно десятилетие характеризуется бюджетным дефицитом, несмотря на критику со стороны экономической теории предложения, считающей дефицит бюджета «вредоносным, провоцирующим инфляцию феноменом» (с. 166). Еще один пример связан с известным Калифорнийским экономическим кризисом. Теоретически обоснованное в свое время дерегулирование энергетического сектора привело на деле к негативным результатам³⁴. В результате дерегулирование, отстаиваемое «экономикой классной доски» (выражение Р. Коуза), было отменено. Современная ситуация с кризисом, который начался именно в развитых экономиках, также показала недостаточную адекватность новейших теорий складывающейся практике.

Применение практических рекомендаций западных теорий для *незападных стран* также выявило их невысокий эвристический потенциал. В свое время в цитированной выше статье 1953 г. М. Фридмен указывал, что существующая со времен «Принципов экономической науки» Маршалла неоклассическая теория относится «только к тому типу экономической системы, который характеризует страны Запада»³⁵ (с. 89), что ограничивает возможности ее применения в других государствах.

Результаты использования достижений современной западной экономической теории в незападных странах автор пособия анализирует на примере трансформационных процессов в Индонезии и Чили, которые последовали монетарной доктрине. С одной стороны, были достигнуты

---

³⁴ В тот период локальные монополии добивались семикратного роста тарифов на электроэнергию. Это вызвало серьезные перебои в ее подаче, а также многократный (до 47 млрд. долларов) рост долга штата Калифорния - одного из богатейших регионов США (с. 333).

³⁵ Хотя статья Фридмена была написана в 1953 г., когда существовало разделение стран на «социалистические» и «капиталистические», (что косвенно могло говорить о неприменимости рыночных теорий к ряду стран, в том числе и России), работа Маршалла была издана в 1890 г., когда такого разделения не существовало.

краткосрочные успехи в ходе приватизации и оптимизации государственных расходов (с. 141). С другой стороны, в долгосрочной перспективе Индонезия, более точно следовавшая рекомендациям Вашингтонского консенсуса, оказалась подверженной постоянным социальным мятежам, которые ослабляют страну. В то же время в Чили монетаристские рецепты были существенно скорректированы. Прежде всего, была сохранена государственная собственность в медной экспортно-ориентированной промышленности. Тем самым были сохранены поступления в бюджет и возможности осуществления значительных государственных расходов, в том числе и на социальные нужды. Средства бюджета формировались также в связи с неполной либерализацией рынка капитала, так как был введен налог на ввоз капитала, и т.д. (с. 338).

Автор пособия приводит также оценки Дж. Стиглица по поводу использования рекомендаций Вашингтонского консенсуса в Аргентине, которая стала первой жертвой проводимой на его основе политики: «горячие деньги» нерезидентов, наводнившие было фондовую биржу Буэнос-Айреса, побежали прочь при первых признаках грозы, оставляя за собой «экономическую пустыню»³⁶. Монетаристские доктрины Стиглиц полагает основной причиной неудач в экономической политике так называемых переходных (незападных) экономик. Когда же он отмечает успехи в проведении реформ, то пишет следующее: «Все экономические удачи определяет одно - преобразования были «доморощенными», разработанными изнутри теми, кто чувствовал нужды и потребности своих стран... Экономические преобразования носили прагматический характер - голая идеология или модели из учебников политику не определяли»³⁷. Точнее не скажешь.

Очевидно, что для российских читателей и студентов, которым предназначено учебное пособие «Экономическая теория. Новейшие течения

---

³⁶ *Стиглиц Дж.* Ревущие девяностые. Семена развала. М: Современная экономика и право. 2005, с. 65.

³⁷ *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М: Мысль. 2002, с. 221

Запада», наибольший интерес вызывает применимость основных положений этой теории к отечественным проблемам. В книге представлены как оценки зарубежных ученых в этой связи, так и собственные размышления автора по этому поводу.

Обращает на себя внимание, что в начале 2000-х гг., когда уже обозначились результаты реформирования постсоветской экономики России, нобелевские лауреаты весьма скептически оценивали приложимость развиваемых ими концепций в отношении России. Так, Дж. Стиглиц в своей нобелевской лекции сказал, что «полный масштаб провала шоковых реформ в России трудно оценить» (с. 339), и в результате использования рецептов экономической теории в стране фактически произошло «уничтожение национального богатства» (там же). Такие же негативные оценки звучали и нобелевской лекции Д. Норта.

Причины неудачи российского экономического эксперимента по переходу к рынку, особенно на фоне его успеха в Китае, ведущие западные теоретики связывают прежде всего с проведением частичных преобразований, не учитывающих специфику и целостный характер российского общества. Так, Стиглиц говорит о провале приватизации в связи с отсутствием налаженного корпоративного управления (с. 339), М. Фридмен, обращаясь к российской аудитории, говорит о том, что «приватизация бессмысленна, если у вас нет власти закона»³⁸ и т.д. Фактически речь идет о том, что теоретическая модель современного рыночного общества, лежащая в основе экономических концепций западных ученых, оказывается неадекватной российским условиям (как и некоторым другим государствам - С.К.). В этой связи весьма неоднозначно выглядит приложение рекомендаций, вытекающих из известных современных теорий, к практике нашей страны. Такого рода заимствования требуют тщательного анализа, исследования методологических оснований зарубежных

---

³⁸ Милтон Фридмен дает советы // Критика российских реформ отечественными и зарубежными экономистами. 23.06.2004 <http://rusref.nm.ru/milton.htm>)

концепций на предмет их приложимости к экономической системе России, широких дискуссий ученых и практиков.

В этой связи мы не всегда согласны с рекомендациями автора пособия по использованию экономической практики ряда развитых стран в экономической политике нашей страны. Общее замечание касается того, что А.Г. Худокормов, как правило, обсуждает необходимость внедрения отдельных мероприятий, не оценивая того, как они могут (а чаще, не могут) вписаться в общую социально-экономическую и политическую структуру российского общества. Обсуждая борьбу с безработицей (с. 116), введение двойной ставки налогообложения «по Рейгану»³⁹ (с. 175) и т.д., автор критикует чиновников, не внедряющих соответствующие процедуры. На наш взгляд, скорее следует обратить критику в адрес российских экономистов, которые, в отличие от наших коллег в других странах, сконцентрировались не на развитии «доморощенных» концепций, учитывающих национальные условия, а на проблемах трансплантации плохо трансплантируемых институтов и т.п. Именно это, по мнению Дж. Стиглица, приведенному выше, не позволило России достичь необходимых успехов в экономических реформах.

Будущее экономической теории в России

Какими основными соображениями, являющимися плодом нашего умозрительного диалога с автором учебного пособия «Экономическая теория. Новейшие течения Запада», хотелось бы в заключение поделиться?

Во-первых, невольно проникаешься еще большим уважением к богатству экономической мысли наших зарубежных коллег. Разнообразие подходов, тщательность разработки теоретических и прикладных вопросов, культура

---

³⁹ Непонятно, например, почему рекомендуемая практика Р. Рейгана 1986 г. подходит нам больше, чем использованная позже политика Гонконга начала 1990-х годов, где введение единого подоходного налога на уровне 12% позволило стране обеспечить необходимый государственный контроль за денежной массой (с. 142).

проведения исследований, скорость реагирования на изменяющиеся условия, ощущение корпоративного духа в цехе экономистов, которые, несмотря на порой ожесточенные споры, внимательно изучают работы друг друга и постоянно соотносятся с ними - всего этого не хватает, на наш взгляд, отечественной экономической науке на протяжении всей ее истории. При этом мы можем поучиться не только глубине, многообразию и быстрой реакции западной экономической теории, но и ее роли в отстаивании определенных групп интересов - от национальных до экономических - в современном глобальном мире.

Во-вторых, в ходе чтения пособия у читателя формируется отчетливое представление не только о современном состоянии, но и о перспективном векторе развития экономической теории. Он связан прежде всего с использованием эволюционных и институциональных идей. Неслучайно одна из самых известных зарубежных работ в этом направлении за последние годы была дважды и независимо переведена и издана в России⁴⁰. Приложение эволюционных и институциональных идей особенно важно для анализа инновационных процессов, без которых сегодня невозможен эффективный экономический рост. Как и У. Баумоль, А.Г. Худокормов одно из наиболее перспективных направлений связывает с обращением к идеям Шумпетера об определении ключевых детерминант, определяющих объемы ресурсов, которые экономика выделяет на инновации (с. 384), с «разработкой динамической теории инноваций» (с. 398).

Эволюция экономических институтов играет здесь важную роль. Именно институты формируют «механизм, на основе которого индивидуумы стремились бы совершать *общественно полезные действия* (курсив мой — СК), и этот механизм должен обеспечивать равенство общественных и частных выгод»⁴¹ в процессе экономического инновационного развития. Другими словами, этот механизм должен оптимальным образом сочетать интересы основных участников

---

⁴⁰ Речь идет о труде Нельсона Р. И Уинтера С. «Эволюционная теория экономических изменений», изданном ЗАО «Финстатинформ» в 2000 г. и издательством «Дело» в 2002 г.

⁴¹ North D., Thomas R. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge Univ. Press, 1973, p. 2.

экономической деятельности, что обеспечивается эффективной структурой институтов. В одной из своих работ Дж. Стиглиц писал, что «центральной проблемой современных экономик является задача обеспечения совместимости интересов»⁴². Решение этой проблемы имеет прежде всего институциональное решение. Поэтому так актуальна необходимость переноса «центра тяжести» в экономических исследованиях с экономических агентов на экономические (и не только) институты. Именно адекватная институциональная структура способна оптимально, с точки зрения обеспечения экономического роста, распределять выгоды и издержки среди участников и формировать динамичный баланс совместных интересов.

В-третьих, при всем уважении и признании значимости новейших теоретических достижений западной экономической теории, нельзя не отметить, что они не могут в полной мере послужить анализу развития российской экономики. Как сказал один мудрец, «зачастую люди читают книги, чтобы не думать самостоятельно». Решение российских проблем мало волнует зарубежных коллег. Поэтому, как пишет А.Г. Худокормов, «теоретический кризис российской экономической мысли должен быть излечен прежде всего национальными средствами» (с. 398). Пути преодоления этого кризиса связаны не только с накоплением фактов, противоречащих современным концепциям - этого недостаточно для их критики или отказа от них. Необходим аналитический инструмент, который на основе этих фактов выстроит «альтернативную конкурирующую гипотезу»⁴³, и именно эта задача является главной для будущей экономической теории в России.

Книга выглядит незаконченной, обрываясь фиксацией переходного состояния современной экономической мысли. Но эта незаконченность не воспринимается как минус в данной работе. Она подчеркивает непрерывность

---

⁴² Стиглиц, 2005, с. 220.

⁴³ Ольсевич, 2007, с. 13.

процесса поиска истины, который никогда не закончится и в котором никто не поставит точку...

(Статья приведена в авторской редакции до редакторской правки)